на великую силу татарскую". Царь подивился „ответу их мудрому" и послал на Евпатия с сильными полками татарскими своего шурина Хостоврула, обещавшего Евпатия „жива привесть пред царя". Но, съехавшись с Хостоврулом, Евпатий, „исполин силою", рассекает его „наполы до седла", а потом избивает и всю татарскую рать. Перепуганные татары высылают против Евпатия „множество саней с нарядом"; едва одолев, они приносят его, мертвого, „пред царя", который созывает „мирзы и князи ордынские и санчакбеи и паши" и начинает с ними дивиться „храбрости и крѣпости и мужеству" убитого богатыря. „Во многих землях, на многих бранях бывали есьмы," говорят, „зря на тело Евпатиево", созванные „князи ордынские", „а таковых удальцов и резвецов не видано". Царь же прибавляет: „о, Коловрате, милый Евпатие!" Если бы „у меня царя таковый служил", держал бы его „против своего сердца". Тело Евпатиево Батый велит отдать „останной" его дружине, а ее отпустить с ним „восвояси" и „ничем вредити".

Четвертый раздел Повести рассказывает о возвращении из Чернигова „богом соблюденнаго" там князя Ингоря Ингоревича „во град Рязань". При виде произведенного там опустошения, он „жалостно кричаше яко труба... и от великого кричания лежаше на земли яко мертв". Кто, в самом деле, не восплачется о толикой погибели, добавляет от себя автор. Похоронив „сродников" и „трупие мертвых", очистив и освятив место, собрав остаток людей и дав им „мало утешение", Ингорь Ингоревич отправляется затем туда, где „побиени быша" братья его в первой битве с Батыем; видя их лежащими „на земли пусте, на траве ковыле, никѣм брегоми", оплакивает их „горьким гласом, вельми ревый", так приговаривая: „О милая моя братья, како мене единого" оставили, „почто не промолвите ко мнѣ, цветы мои прекраснии... ужли забыли есте брата вашего" и т. д. Оплакав братию и помолившись богу, пречистой богоматери и сродникам своим святым Борису и Глебу, Ингорь Ингоревич берет тела „убиенных", переносит в Рязань и погребает честно; потом отправляется к Пронску и собирает „раздробленные уды" брата своего Олега Ингоревича и тоже переносит „во град Рязань"; идет, наконец „на Воронаж", где убит был князь Федор, и переносит и его „к великому чюдотворцу Николѣ Корсунскому", хоронит его там вместе с женой и сыном и ставит над ними „три кресты каменны"; „и от сея вины", поясняет Повесть во второй раз, „зовется великий чюдотворец Заразской, „яко благовѣрная княгиня Евпраксия царевна и с сыном своим со князем Иваном сама себя зарази".

Следующая затем похвала всему роду рязанских „государей" выхваляет их набожность, телесную красоту, добрые нравы, силу, величие и, наконец, святость („разумно держа земное царство, а небесному приближаяся"). В виде краткого заключения к рассказу об Ингоре, еще раз, в чисто уже летописной форме, повторено, что этот „благоверный великий князь, нареченный во святом крещении Козьма", после прихода на Рязань, „сяде на столѣ отца своего и обнови землю рязанскую и бысть радость крестьяном", и что Кир Михаила он отпустил „на отца его отчину" в Пронск.

Пятым (и последним) разделом Повести, в ее наиболее полной редакции, служит особая статья, озаглавленная: „Род поповский Николы чюдотворца Заразского" и содержащая родословную потомков Корсунского иерея Евстафия; перечень девяти (в некоторых списках — одиннадцати) поколений его потомства заканчивается следующей хронологической выкладкой: „А всѣхъ лѣтъ служили триста и полчетверта десять лѣт непремѣнно род их".[1]

[1] Здесь в рукописи В. Л. Комаровича дата: „7. X. 1941." *Прим. ред.*